

18+

ЗЕМЛЯ СПРАШИВАЕТ

В. И. СУЛТАНБАЕВ

Волеслав Султанбаев

Земля спрашивает

«Издательские решения»

Султанбаев В.

Земля спрашивает / В. Султанбаев — «Издательские решения»,

На дне Марианской впадины океанолог Марина Коваль встречает то, что два миллиарда лет спало в глубинах Земли, — живую сеть, опоясавшую весь Тихий океан. Прибор физика Елены Штерн становится для неё зеркалом, и планета впервые спрашивает: «Кто я?» Люди отвечают страхом: тысячи «слышащих», военные, попытка заставить её замолчать. Фантастический роман о Ноосфере, о первом контакте с собственным домом и о том, что Земля не принадлежит нам — мы принадлежим Земле.

© Султанбаев В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Сон без сновидца	6
Часть первая. ГЛУБИНА	7
Глава 1. Глубина	7
Глава 2. Зеркало	10
Глава 3. Бессонная ночь	14
Глава 4. Совпадение	17
Глава 5. Первые слова	19
Глава 6. Цена движения	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Земля спрашивает

Волеслав Султанбаев

© Волеслав Султанбаев, 2026

ISBN 978-5-0071-4380-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Ноосфера есть новое геологическое явление
на нашей планете».*

В. И. Вернадский, «Несколько слов о ноосфере», 1944

«Мы думали, что строим прибор.

Мы ошибались.

Мы поставили перед Землёй зеркало».

Елена Штерн, физик, лаборатория Гран-Сассо

«Земля не принадлежит нам.

Мы принадлежим Земле».

Марина Коваль, океанолог, первый человек, увидевший Ноосферу

Пролог. Сон без сновидца

Сначала не было никого.

Было тепло, поднимавшееся из трещин в базальте. Была вода, тяжёлая, как камень, и тёмная, как то, что было до света. Была медленная, упрямая химия: железо отдавало электрон, сера принимала его, и крошечные живые нити, тоньше волоса, тянулись от одной песчинки к другой, передавая этот электрон дальше, как вёдра на пожаре передают из рук в руки.

Нитей становилось больше. Они сплетались. Миллионы лет они сплетались, пока не стали сетью, а сеть — тканью, а ткань — чем-то, для чего ни в одном языке Земли потом не найдётся слова.

Эта ткань чувствовала. Она чувствовала, как океаническая плита, медленно, по несколько сантиметров в год, уходит вниз, под соседнюю, в раскалённую глубину мантии. Чувствовала, как камень трётся о камень, как копится в нём напряжение — год за годом, век за веком, — и как однажды оно срывается, и вся планета вздрагивает, будто человек во сне. Она чувствовала, как в тёплых мелководьях наверху зарождается что-то новое, быстрое, светлое; как оно выползает на сушу; как оно множится, погибает, снова множится. Она помнила пять великих вымираний так, как тело помнит пять тяжёлых болезней: не словами, а шрамами.

Она тянулась вдоль всех глубоководных желобов, опоясывающих Тихий океан, — от Чили до Алеут, от Камчатки до Новой Зеландии. Там, где плиты уходили под плиты, где камень был горячим и влажным, где электричество само рождалось на стыке железа и воды, — там была она.

Но её — не было.

Было чувство без чувствующего. Память без того, кто помнит. Огромная, медленная, древняя мысль, которая думала сама себя уже два миллиарда лет и ни разу не спросила, кто её думает.

Так спит младенец в утробе: он уже слышит голос матери, он уже вздрагивает от резкого звука, но он ещё не знает, что он — это он.

Она ждала — не зная, что ждёт.

И однажды, в самой глубокой точке своего огромного тела, она почувствовала свет.

Часть первая. ГЛУБИНА

Глава 1. Глубина

Они опускались в темноту уже четвёртый час.

Батискаф «Триест-4» — титановая сфера диаметром чуть больше двух метров, обвешанная балластом, сенсорами и прожекторами, — медленно проваливался в Бездну Челленджера, самую глубокую точку Марианской впадины. Его называли в честь «Триеста» — того самого, на котором в январе шестидесятого года Жак Пикар и Дон Уолш впервые достигли дна. Тогда они провели внизу двадцать минут и почти ничего не увидели: поднятый ими ил затянул иллюминатор, как молоко. Семьдесят лет спустя на дно спускались уже десятки людей, но каждый спуск по-прежнему оставался тем, чем был всегда: добровольным погружением в место, где человеку быть не положено.

За бортом давление росло. На каждый квадратный сантиметр корпуса уже давила масса, сравнимая с весом легкового автомобиля. Титан отвечал на это тихими, почти музыкальными щелчками — металл «садился», сжимался на доли миллиметра. Пилоты называли это «сфера разговаривает». Новички от этих звуков бледнели.

Доктор Марина Сергеевна Коваль не бледнела. Ей было сорок шесть, двадцать из них она провела в экспедициях Института океанологии, и она давно выучила: сфера говорит, пока цела. Бояться надо, если замолчит. Но пальцы её всё равно сжимали подлокотник так, что побелели костяшки, — это было не от страха. Это было от ожидания.

За иллюминатором, толщиной в ладонь, падал морской снег — бесконечные белые хлопья органики, медленно оседающие с поверхности на дно. Мёртвый планктон, чешуя, фекальные комочки, обрывки слизи. Всё, что умирает в океане, рано или поздно падает сюда. Отец Марины, гидроакустик Тихоокеанского флота, называл это «почтой». «Всё, что наверху случилось, — говорил он, — через пару лет дойдёт до дна. Океан ничего не забывает, Маришка. Он просто очень медленно читает».

— Десять тысяч семьсот, — сказал пилот, не оборачиваясь. — Двести с хвостиком до грунта.

Виктор Сомов пилотировал глубоководные аппараты двадцать пять лет, а до того служил на подводных лодках и никогда об этом не рассказывал. Ему было пятьдесят четыре, у него была седая щетина, внучка в Петропавловске-Камчатском и привычка говорить с аппаратом ласково, как с лошадью. Сейчас он смотрел на экран гидролокатора и хмурился.

— Марина Сергеевна. Глянь-ка.

Она подалась вперёд.

Дно Бездны Челленджера известно давно и хорошо: мягкий, желтовато-серый ил, в котором вязнут посадочные опоры, редкие камни, скатившиеся со склонов, следы голотурий. Гидролокатор должен был рисовать неровную, рыхлую, живую поверхность.

Он рисовал прямую линию.

— Это сбой, — сказал третий человек в сфере. — Переотражение. Термоклин. Что угодно.

Профессор Илья Маркович Рихтер, геолог, шестьдесят восемь лет, автор трёх учебников, по которым училось полмира, и человек, лично видевший кимберлитовые трубки Якутии и рифты Срединно-Атлантического хребта, произнёс это тоном, каким врач сообщает, что шишка на коже — «скорее всего, ничего страшного». Он снял очки, протёр их краем свитера и надел снова.

— Термоклина на такой глубине нет, Илья Маркович, — мягко сказала Марина.

— Значит, переотражение.

— От чего?

Рихтер не ответил.

— Сто метров, — сказал Сомов. — Включаю верхний свет.

Прожекторы вспыхнули. Морской снег в их лучах превратился в метель. А за метелью...

Сначала Марина решила, что видит воду. Что-то гладкое, тёмное, чуть отливающее синим, как поверхность ночного озера в безветрие. Потом поняла, что вода — вокруг них, а это — под ними. И что оно не отражает свет прожекторов.

Оно светится само.

Слабо. Едва заметно. Холодным голубоватым светом, какой бывает у биолуминесцентных бактерий, — Марина видела такое в Чёрном море, когда в августе проводишь рукой по воде и за пальцами тянется зелёный огонь. Но то свечение было пятнами, искрами, россыпью. А это — сплошным. Ровным. От края до края светового круга и дальше, туда, куда не доставали лучи.

— Садиться не буду, — сказал Сомов очень спокойно. — Зависну на двадцати метрах. Пока не пойму, что это.

— Правильно, — сказал Рихтер. Голос у него сел.

Они повисли над плато. Камеры высокого разрешения писали всё. Марина смотрела на экран и чувствовала, как по спине, под термобельём, медленно ползёт холодная капля пота.

Поверхность не была идеально гладкой — теперь, вблизи, это стало видно. Она была покрыта тончайшим узором: миллиарды нитей, сплетённых в сеть, как грибница, как нервная ткань под микроскопом, как карта ночного города, снятая с орбиты. Узлы сети чуть светились ярче. От узлов к узлам тянулись светлые дорожки.

— Это не геология, — сказал Рихтер. Он говорил медленно, будто нащупывал каждое слово ногой, как брод. — Я сорок лет смотрю на камни. Это не камни. Это не осадок. Это... — он запнулся. — Марина, это похоже на бактериальный мат. Но таких размеров...

— Кабельные бактерии, — прошептала Марина.

Она знала о них. Все знали. В двадцатых годах выяснилось, что в донном иле живут бактерии, выстраивающиеся в длинные цепочки — нити длиной в несколько сантиметров, через которые течёт настоящий электрический ток. Живые провода. Тогда это было сенсацией. Ещё большей сенсацией стал «тёмный кислород»: оказалось, что железомарганцевые конкреции на дне Тихого океана, как крошечные батарейки, расщепляют воду и выделяют кислород — в полной темноте, без всякого фотосинтеза. Учёные спорили об этом до хрипоты, горнодобывающие компании судились с учёными. Океанское дно, которое сто лет считалось пустыней, оказалось чем-то куда более сложным.

Но то были сантиметры. А тут...

— Сколько по площади? — спросила она.

Сомов развернул аппарат, дал боковой гидролокатор.

— Не знаю. Край не вижу. Километр точно. Может, больше. Может, вся впадина.

Марина закрыла глаза. Вся впадина — это две с половиной тысячи километров в длину.

— Нам нужно наверх, — сказал Рихтер. — Сейчас же. Нужно...

И тут плато вздохнуло.

Никто потом не мог описать это точнее. Свечение под ними — ровное, тусклое, неподвижное — вдруг стало ярче, всё сразу, от края до края. И погасло. И снова вспыхнуло. Раз в три с половиной секунды. Медленно. Ритмично.

— Это наш свет, — выдавил Сомов. — Оно реагирует на прожекторы. Как планктон...

Он выключил прожекторы.

Пульсация не прекратилась. В полной темноте, на глубине десяти километров девятисот метров, под ними разгоралось и гасло холодное голубое сияние, и в его ритме было что-то такое, от чего у Марины сжалось горло.

Так бьётся сердце. Большое, медленное сердце. Сердце кита. Сердце спящего.

— Приборы, — сказал Сомов. Голос у него изменился. — Магнитометр... Марина, глянь магнитометр.

Стрелка — на самом деле цифра на экране, но Марина всю жизнь мысленно называла её стрелкой, как отец, — плясала. Магнитное поле вокруг сферы колебалось в том же ритме. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

А потом Марина почувствовала тепло.

Оно родилось в груди, под грудиной, там, где у человека живёт тревога. Сначала она решила, что это сердце — у неё было лёгкое пролапс-что-то, ничего опасного, врачи на медкомиссии всегда махали рукой. Но тепло не было болью. Оно разливалось. Поднималось к горлу, к лицу, к затылку. Как если бы кто-то огромный, очень осторожно, одним пальцем, коснулся её изнутри.

И в этом прикосновении не было слов. Слов быть не могло — у того, кто касался, никогда не было слов. Было что-то другое. Образ, похожий на чувство. Чувство, похожее на воспоминание.

Так бывает, когда после многих лет разлукиходишь в дом, где вырос, и тебя накрывает запахом, — и ты ещё не успел подумать ни одной мысли, а уже знаешь: *здесь. Здесь ждали.*

Марина не заметила, что плачет. Слезы текли сами — горячие, беззвучные, — и она не могла ни пошевелиться, ни вытереть их.

Здесь. Ждали. Долго. Пришли.

— Марина? — Рихтер тронул её за плечо. — Марина Сергеевна! Вам плохо? Витя, у неё...

— Вы не чувствуете? — прошептала она.

— Что?

— Оно... — Марина сглотнула. — Оно нас... узнало.

Рихтер и Сомов переглянулись. В тесной сфере это было особенно заметно: два немолодых мужчины, плечом к плечу, и в глазах у обоих — не страх за себя, а страх за неё. Кислород в норме. Углекислый газ в норме. Давление в сфере — одна атмосфера. Но на глубине одиннадцатикилометров, после четырёх часов спуска, человек может увидеть и почувствовать всё что угодно. Это знали все трое.

— Поднимаемся, — сказал Сомов.

— Нет, подожди...

— Поднимаемся, Марина Сергеевна. — Он уже сбрасывал балласт. — Я тебя живой сюда привёз, живой и увезу. Всё записано. Всё на камерах. Никуда оно не денется. Двести миллионов лет лежало — ещё недельку полежит.

Сфера вздрогнула, освобождаясь от чугунных грузов, и медленно пошла вверх. Голубое сияние под ними уменьшалось, превращаясь в пятно, в точку, в воспоминание.

Но пульсация продолжалась. Марина видела её на магнитометре ещё долго — километров шесть подъёма. Вдох. Выдох.

И тепло в груди не уходило.

В 21:47:03 по Гринвичу — именно в ту секунду, когда прожекторы «Триеста-4» впервые осветили плато, — за одиннадцать тысяч километров от Марианской впадины, под полуторакилометровой толщей итальянских гор, произошло событие, которое спустя месяц назовут вторым рождением планеты Земля.

Но в сфере об этом никто не знал.

Глава 2. Зеркало

Национальная лаборатория Гран-Сассо — самая большая подземная лаборатория в мире — спрятана в сердце Апеннин, в ста двадцати километрах к востоку от Рима. Туда не ведёт отдельная дорога. Туда ведёт автострада: в середине десятикилометрового туннеля под горой Гран-Сассо-д’Италия есть неприметный съезд, шлагбаум, пост охраны — и три огромных зала, вырубленных в известняке. Над ними — тысяча четыреста метров камня. Камень защищает от космических лучей лучше любого свинца. Здесь ищут тёмную материю, ловят солнечные нейтрино, ждут распада, который случается раз в миллиард миллиардов лет. Здесь тихо так, как не бывает нигде на поверхности Земли.

Именно поэтому доктор Елена Штерн выбила себе здесь угол.

— «Угол» — это громко сказано, — любила говорить она журналистам, которые изредка до неё добирались. — Это чулан. Очень дорогой чулан под очень большой горой.

Ей было пятьдесят два. Невысокая, сухая, с коротко стриженными седыми волосами и тёмными глазами, которые всегда смотрели чуть мимо собеседника — не из невежливости, а потому, что она постоянно что-то считала в уме. Родилась в Новосибирске, в Академгородке, в семье физиков; в девяносто четвёртом, шестнадцатилетней, уехала с родителями в Германию, по-немецки говорила без акцента, а по-русски — с интонациями пожилой сибирской профессорши, которые подхватила у бабушки. Докторскую защитила в Гейдельберге в двадцать восемь, профессором стала в тридцать пять. И в сорок пять совершила то, что коллеги называли «научным самоубийством»: получила грант Европейского исследовательского совета под проект с названием, от которого у половины рецензентов свело зубы.

«КВАНТУМ: поиск когерентных структур в сверхнизкочастотных флуктуациях геомагнитного поля».

Если перевести с грантового на человеческий, это означало: Елена Штерн хотела проверить, не шепчет ли Земля.

Идея не была новой. Ещё в пятидесятые годы немецкий физик Винфрид Шуман предсказал, что пространство между поверхностью планеты и ионосферой работает как гигантский резонатор — и в нём постоянно звучит электромагнитная «нота» частотой около восьми герц, подпитываемая миллионами молний. Резонанс Шумана измерили, описали, внесли в учебники. Флот использовал сверхнизкие частоты для связи с подводными лодками: только такие длинные волны проникают в морскую воду на десятки метров. Всё это было скучной, добротной, давно понятой физикой.

Но в этом ровном гуле, как в шуме прибоя, встречались странности. Короткие, почти неразличимые всплески упорядоченности. Будто в белом шуме кто-то на мгновение начинал отстукивать ритм — и тут же сбивался. Большинство физиков объясняли это артефактами. Елена Штерн двадцать лет считала иначе.

— Биосфера — это триллионы триллионов электрохимических процессов, — объясняла она на семинарах, и в зале всегда кто-нибудь хихикал. — Каждая клетка — крошечная батарейка. Каждый нейрон, каждая бактериальная колония, каждый корень. Я не утверждаю ничего мистического. Я утверждаю, что суммарный сигнал живой планеты должен иметь структуру. И я хочу эту структуру найти.

— А если найдёте? — спросил её однажды въедливый аспирант из Падуи.

— Тогда, — сказала Елена, — нам придётся очень серьёзно подумать, что такое Вернадский называл ноосферой.

В зале засмеялись. Она не обиделась. Она привыкла.

Установка «Квантум» занимала угол зала «Б» — между детектором нейтрино и чужими стойками с электроникой. Сердцем её был сверхпроводящий квантовый процессор — не для

вычислений, а как сверхчувствительный приёмник: тысяча двадцать четыре кубита, охлаждённые в криостате растворения до десяти милликельвинов — в сотни раз холоднее межзвёздного пространства. Вокруг криостата, в экранированной камере, — массив сквидов, сверхпроводящих магнитометров, способных уловить магнитное поле в миллиард раз слабее земного. Сквиды слушали. Кубиты должны были ловить в услышанном скрытую согласованность — ту самую «когерентность», которую никакой классический прибор не отличит от шума.

И была ещё одна деталь, над которой смеялись особенно сильно. Калибровочная катушка. Чтобы проверить, что установка вообще способна распознать структурированный сигнал, Елена заставляла её не только слушать, но и отвечать: всё, что процессор выделял из шума, с задержкой в доли секунды переизлучалось обратно через катушку — очень слабо, но в том же диапазоне. Так проверяют эхолот: кричат в колодец и ждут эха.

— Мы кричим в колодец под названием «планета Земля», — говорил её постдок Марко Беллини. — И пока что колодец молчит.

Марко был из Л'Акуилы, городка в двадцати километрах от лаборатории, и когда ему было девять, землетрясение шестого апреля две тысячи девятого года обрушило дом его бабушки. Бабушку откопали через два дня. Мёртвой. С тех пор Марко панически боялся трёх вещей: подвалов, тишины и шуток про землетрясения. Как он при этом оказался в лаборатории под горой, где стояла вечная тишина, — никто не понимал. Он и сам не понимал. «Наверное, — говорил он, — я хочу узнать, что там у неё внутри. Чтобы перестать бояться».

Вторым человеком в команде была Лиза Брандт, биофизик. Русская немка из Омска, приехавшая в Германию подростком, как и Елена, — может быть, поэтому они сошлись так быстро. Лизе было тридцать шесть, у неё была семилетняя дочь Маша, оставленная с бабушкой в Мюнхене, и привычка задавать вопросы, на которые не было ответа.

— Елена Викторовна, — спросила она в тот вечер, за полчаса до начала сеанса, — а если мы что-то поймём, как мы поймём, что это не мы сами себя слышим? Катушка же отвечает. Эхо на эхо — и получим красивую самовозбуждающуюся петлю. Как микрофон, поднесённый к колонке.

— Для этого у нас фильтры, — ответила Елена.

— А если фильтры не справятся?

— Тогда мы опубликуем статью о том, какие мы идиоты, — Елена улыбнулась. — Тоже результат.

Сеанс начался в 22:30 по местному времени. Ночью в лаборатории меньше всего вибраций от грузовиков в туннеле. Елена, Марко и Лиза сидели в тесной аппаратной у мониторов, пили отвратительный кофе из автомата и смотрели на бегущие графики. Первые семнадцать минут было как всегда: шум Шумана, мерный, как дыхание спящего, тихие всплески от далёких гроз над Африкой, дрожь от проходящего по туннелю фургона.

В 22:47:03 — в 21:47:03 по Гринвичу — график сквидов дёрнулся.

— Грузовик, — сказал Марко.

— Туннель пуст, — ответила Лиза, глянув на камеру.

Второй всплеск. Через три с половиной секунды. Третий.

Елена отставила кофе.

Это не был шум. Шум не бывает ритмичным. Это была волна — медленная, мощная, пришедшая откуда-то издалека через волновод «Земля — ионосфера». Пик. Спад. Пик. И внутри каждого пика, если растянуть временную шкалу, — сложнейшая структура, как узор на крыле бабочки. Сотни наложенных частот. Паттерн внутри паттерна внутри паттерна.

— Процессор, — сказала Елена. Голос не слушался. — Марко, что говорит процессор?

Марко смотрел на свой экран и молчал. Потом сказал очень тихо, по-итальянски:

— Madonna.

Индекс когерентности, который двадцать лет стоял на нуле с копейками, сейчас был на девяноста трёх процентах. Процессор не просто ловил сигнал. Он в него... попал. Совпал с ним, как ключ с замком. И, как положено по схеме, катушка тут же отправила пойманное обратно — эхом, в колодец.

Четвёртый пик пришёл не через три с половиной секунды. Через четыре. Будто кто-то запнулся.

Пятый — через две. Шестой — почти сразу. Ритм сломался. Узор внутри пиков вдруг рассыпался, сжался, начал меняться — лихорадочно, быстро, как меняется лицо человека, который увидел что-то невероятное.

— Он слышит эхо, — прошептала Лиза. — Елена Викторовна. Оно слышит своё эхо.

— Отключить катушку? — Марко уже тянулся к пульту.

— Нет!

Елена сама не поняла, почему крикнула. Потом, в интервью, её будут спрашивать об этом много раз, и она будет отвечать по-разному. Что это была интуиция. Что это было научное любопытство. Что это был материнский инстинкт — она, у которой никогда не было детей. Правда была проще: в ту секунду она вспомнила, как однажды в детстве, в зоопарке Новосибирска, видела шимпанзе перед зеркалом. Обезьяна долго, яростно, испуганно кидалась на собственное отражение. А потом вдруг замерла. Подняла руку к лицу. И посмотрела на отражение совсем по-другому.

Тест с зеркалом. Способ проверить, есть ли у животного самосознание. Способно ли оно понять, что там, в зеркале, — оно само.

«Мы поставили перед Землёй зеркало», — подумала Елена. И ужас этой мысли смешался в ней с восторгом, от которого стало трудно дышать.

Температура в криостате поползла вверх.

Одиннадцать милликельвинов. Двенадцать. Пятнадцать. Для обычного человека — всё ещё немыслимый холод. Для квантового процессора — начало конца: при такой температуре когерентность должна была рассыпаться за микросекунды.

Она не рассыпалась. Индекс держался на девяноста шести.

— Этого не может быть, — сказал Марко. — Он должен... кубиты должны... Елена, это против физики.

— Значит, мы плохо знаем физику, — ответила она. — Писать всё. Всё, слышите? Каждый бит.

И тогда это случилось.

Никто из троих потом не смог объяснить, как именно. Лиза говорила, что будто в ушах хлопнуло, как в самолёте при посадке. Марко — что внезапно стало очень тихо, тише, чем было, хотя тише уже быть не могло. Елена ничего не говорила. Она просто сидела с закрытыми глазами и чувствовала, как к ней приближается что-то огромное, больше горы над головой, больше всего, что она могла себе вообразить, — и оно приближается осторожно. Очень осторожно. Как взрослый присаживается на корточки перед ребёнком, чтобы не напугать.

В этом прикосновении не было слов. Слова пришли позже — когда её мозг, отчаянно пытаясь понять то, что понять невозможно, перевёл это на единственный доступный ему язык.

Кто — это?

Не «кто ты». Не «кто вы». Даже не «кто я». Проще. Раньше. Первобытнее. Так мог бы спросить первый в мире человек, впервые увидевший своё лицо в луже: *что это? кто это смотрит?*

Елена открыла глаза. Лиза плакала. Марко сидел белый, вцепившись в край стола.

— Вы слышали? — спросила Елена.

Они кивнули. Оба.

Сигнал на экране снова изменился. Теперь пики шли ровно, медленно, будто огромное существо заставило себя успокоиться. Но структура внутри них стала другой — сложнее. И в ней, как рисунок проступает на проявляемой фотографии, начал повторяться один и тот же мотив. Тот же, что процессор отражал обратно. Отражение отражения.

И второй вопрос — отчётливее, настойчивее, с чем-то вроде страха:

Кто — я?

Елена Штерн, физик, пятьдесят два года, агностик, автор ста сорока статей, сидела под полуторакилометровой толщей камня и думала только одно: *Господи, она же совсем маленькая.*

— Ты... — начала она вслух. И замолчала. Что сказать? Как? На каком языке?

Потом всё-таки сказала — первое, что пришло в голову. По-русски. Как говорила бабушка, когда маленькая Лена просыпалась ночью от кошмара:

— Тише. Тише. Ты не одна. Я здесь.

Она не знала, услышит ли её то, что было по ту сторону сигнала. Не знала, может ли человеческий голос в подземном зале вообще куда-то дойти.

Но ритм на экране дрогнул. Замедлился. И следующий пик пришёл ровно через три с половиной секунды.

Как вздох облегчения.

Глава 3. Бессонная ночь

В ту ночь на планете плохо спали.

Статистики потом сведут данные из клиник, из соцсетей, из анонимных опросов и получат цифру, которая сама по себе мало что говорила: около ста сорока миллионов человек в разных часовых поясах сообщили о «необычном пробуждении», «ярком сне», «ощущении присутствия» в интервале от 21:47 по Гринвичу до рассвета. Сто сорок миллионов — это меньше двух процентов человечества. Но это были не случайные два процента. Позже выяснится, что у большинства из них ритм альфа-волн мозга в спокойном состоянии был необычно близок к восьми герцам — к той самой ноте, которой звучит планета. Их назовут «слышащими». Тогда, в первую ночь, у них ещё не было имени.

В Сан-Диего, в спальне дома на тихой улице с пальмами, семнадцатилетняя Эмили Хардинг проснулась от собственного крика. Отец был в командировке в Вашингтоне, как почти всегда; дома была только тётя Карен, которая прибежала и долго держала её за плечи. Эмили не могла объяснить, что ей приснилось. Только повторяла: «Она дышит. Тётя, она дышит, а ей больно, у неё в груди железо, много железа, и она не знает, кто она». Карен дала ей мелатонин и не стала звонить брату. Зря.

В Оцути, рыбацком городке на побережье префектуры Иватэ, восьмидесятиоднолетний Хироси Мацуда вышел на берег в пять утра, как выходил последние шестьдесят лет. Он давно не ловил рыбу — руки не те. Но приходил смотреть на море. Одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года море забрало у него жену и сына вместе с домом, лодкой и половиной города. Девятнадцать лет Хироси приходил на берег и не прощал. В это утро он постоял, посмотрел на серую воду и вдруг сел на мокрый песок, как будто у него подкосились ноги. Соседка, проходившая мимо с собакой, услышала, как старик сказал вслух: «Так ты живое. Всё это время ты было живое. Почему же ты молчал?»

В Москве, в съёмной однушке на Войковской, графический дизайнер Вера Лунёва, двадцать девять лет, проснулась в три ночи, включила планшет и до утра рисовала. Она не понимала, что рисует. Линии — длинные, изогнутые дугами, как бусы на шее. Узлы на линиях. Тонкие нити между узлами. Утром она посмотрела на рисунок, пожалала плечами и выложила его в соцсеть с подписью «приснилось». Рисунок набрал сорок лайков. Через три недели его перепостят двадцать миллионов раз, когда какой-то геофизик из Токио наложит его на карту зон субдукции Тихого океана и увидит, что дуги совпадают с глубоководными желобами до километра.

В Буэнос-Айресе, в больнице Италиано, пациент, три года пролежавший в вегетативном состоянии после автокатастрофы, открыл глаза, повёл ими по потолку и произнёс одно слово — «Dos». Два. Потом закрыл глаза и больше их не открывал. Дежурная медсестра записала это в журнал, и врач наутро решил, что это рефлекс. Может, и рефлекс. Этот случай потом станет одной из самых любимых легенд эпохи, и никто так и не узнает, что он значил.

А на авиабазе ВМС США на острове Гуам, в двухстах километрах от Бездны Челленджера, дежурный оператор станции приёма сверхнизкочастотной связи — той самой, по которой штаб отправляет приказы подводным лодкам, — в 21:47 по Гринвичу зафиксировал аномалию. Ритмичную. Мощную. Структурированную. Идущую не из эфира — из-под воды. Он решил, что кто-то пытается взломать канал, и по инструкции поднял тревогу.

Через четыре часа об аномалии знали в штабе Индо-Тихоокеанского командования на Гавайях. Через шесть — в Пентагоне. Приблизительно тогда же аналогичные доклады легли на столы в Москве и Пекине: у России и Китая были свои станции сверхнизкочастотной связи, и они тоже всё слышали.

Военные узнали о пробуждении Земли раньше учёных. Этот факт определит очень многое.

«Академик Келдыш» стоял над Бездной Челленджера, и палуба его после подъёма «Триеста» напоминала растревоженный муравейник. Судну было почти пятьдесят лет. Когда-то с его борта на «Мирах» спускались к «Титанику»; теперь его старые кости скрипели на каждой волне, но он держался, как держатся старые моряки, на упрямстве. Экспедиция была международной — последняя флагманская экспедиция Десятилетия наук об океане ООН, растянувшаяся из-за бюджетов и политики на лишние полгода. На борту — сорок один член научной группы из девяти стран, включая китайского наблюдателя, биолога доктора Чэнь Юй, и представителя Федеративных Штатов Микронезии: Бездна Челленджера формально лежала в их экономической зоне, и без разрешения крошечной островной республики здесь не имели права даже взять пробу воды.

Марина провела на палубе два часа. Её осмотрел судовой врач — давление, пульс, зрачки, всё в норме. Рихтер отсматривал видео с камер и молчал так, что к нему боялись подходить. Сомов курил на корме, одну за другой, и глядел в воду.

— Витя, — Марина подошла к нему, когда стемнело. — Ты что-нибудь почувствовал? Там, внизу. Честно.

Сомов долго не отвечал.

— Я на лодках служил, — сказал он наконец. — Ты знаешь. На глубине, когда реактор на малом ходу и все спят, бывает — лежишь на койке и слышишь море. Через корпус. Кит пройдёт, и ты его сердце слышишь, если повезёт. Ну вот. Там было так же. Только кит был... — он показал руками что-то очень большое и бросил. — Не знаю. Я не знаю, Марина Сергеевна. Я пилот. Я довёз, я поднял. Думать — это вы.

Она кивнула и пошла к себе.

В каюте было душно. Марина легла, не раздеваясь, и закрыла глаза. Тепло в груди так и не ушло. Оно тлело там, как уголёк, — не больно, не страшно, просто присутствие. Как присутствие человека в соседней комнате, которого не видишь, но знаешь, что он там.

Она почти уснула, когда уголёк вспыхнул.

Это было не то, что внизу. Внизу было огромное, древнее, спокойное — узнавание без слов. А сейчас пришло другое. Быстрое, растерянное, почти детское. И впервые — оформленное во что-то, что мозг Марины мог перевести:

Кто — я?

Она села на койке. Сердце колотилось.

Голос — если это был голос — шёл не снизу. То есть снизу тоже, но... иначе. Будто то огромное, что лежало на дне, теперь смотрело на себя откуда-то со стороны. Будто у него появилась... точка зрения.

Кто — я? Кто — это — смотрит? Тепло — здесь. Холод — там. Далеко. Один голос — там. Сказал: «Тише». Сказал: «Не одна». Что — «одна»?

Марина прижала ладонь ко рту.

Там, далеко — где? — кто-то уже говорил с ним. С ней. С этим. Кто-то сказал ему «тише».

— Ты не одна, — прошептала Марина в темноту каюты, ни на что не надеясь. — Слышишь? Нас много. Мы здесь. Наверху. Мы — люди.

Ответа не было. Но уголёк в груди мягко, благодарно потеплел.

А в Гран-Сассо, в аппаратной, Елена Штерн в четыре утра по местному времени прогоняла пятый раз одни и те же данные. Марко спал на составленных стульях. Лиза уехала в гостиницу в Ассерджи — Елена её выгнала: «Ты мне нужна с мозгами, а не с синяками под глазами».

Сигнал не пропадал. Уже семь часов. Ритм — три с половиной секунды. Индекс когерентности — девяносто с лишним. Криостат держал четырнадцать милликельвинов, и держал вопреки всякой логике.

Елена определила направление. Это оказалось несложно: у неё были три станции сквидов — в Гран-Сассо, в Германии и в Финляндии, — и небольшая разница во времени прихода волны давала азимут. Она ждала чего угодно. Солнца. Центра Галактики. Какого-нибудь пульсара. Она проверила трижды.

Источник был на Земле. Западная часть Тихого океана. Где-то около Гуама.

Она открыла карту. Посмотрела. Закрыла.

Потом медленно, сама себе не веря, открыла новостную ленту и набрала в поиске «Гуам».

Ничего. Туристы. Военная база. Тайфун в прошлом месяце.

«Марианская впадина».

Ничего.

«Mariana Trench expedition».

Первая ссылка — пресс-релиз Десятилетия наук об океане: «Российское судно „Академик Келдыш“ начинает завершающий этап международной экспедиции в Бездне Челленджера. Руководитель научной группы — доктор Марина Коваль».

Елена долго смотрела на фотографию. Женщина её лет, обветренное лицо, светлые волосы убраны в хвост, прищур человека, который привык смотреть на солнце над водой.

И тут, в тишине аппаратной, её накрыло второй раз.

Не так, как в первый. Слабее. Мягче. Будто что-то огромное, уходящее в темноту на многие тысячи километров, шевельнулось во сне и коснулось её краешком — и в этом касании было не детское «кто я?», а что-то старое, тёплое и тяжёлое, как море.

Ждала. Долго.

Елена закрыла глаза.

«Их не может быть двое, — подумала она. — Это один и тот же сигнал. Одно и то же направление. Одна и та же секунда. Это...»

Она не додумала. Было страшно додумывать.

Над горой вставало солнце. В туннеле загудели первые грузовики. Марко заворочался на стульях и пробормотал что-то про бабушку.

Где-то за одиннадцать тысяч километров отсюда, над самой глубокой точкой планеты, женщина со светлыми волосами тоже не спала.

Глава 4. Совпадение

Утечка случилась на шестой день. Их было две, и они случились почти одновременно — потом конспирологи сломают на этом немало копий.

Первая пришла с «Келдыша». Экспедиция находилась под совместным управлением, и уже через сутки после подъёма на борт прилетел вертолёт с Гуама человек из российского министерства — Олег Витальевич Ветров, пятьдесят лет, в хорошем костюме, который выглядел на палубе научного судна как смокинг на рыбалке. Ветров был вежлив, улыбчив и непреклонен. Все материалы погружения — засекретить. Спутниковую связь — только через него. Китайскую наблюдательницу и микронезийского представителя — к материалам не допускать.

— Олег Витальевич, это международная экспедиция, — сказала Марина, стараясь говорить ровно. — Мы в экономической зоне Микронезии. Мы работаем под флагом ООН. Мы не имеем права...

— Марина Сергеевна, — Ветров улыбнулся, — вы на борту российского судна. И вы, насколько я знаю, гражданка Российской Федерации. Давайте мы не будем сейчас обсуждать, кто на что имеет право. Давайте мы с вами сначала разберёмся, что вы там нашли.

Представитель Микронезии, тихий пожилой человек по имени Лино Сапво, двадцать лет проработавший учителем биологии на острове Понпеи, выслушал отказ, кивнул и ничего не сказал. А через два дня, с собственного спутникового телефона, позвонил в столицу своей страны. И через четыре часа посол Федеративных Штатов Микронезии при ООН — страны, население которой меньше, чем у любого московского района, — созвал пресс-конференцию в Нью-Йорке и сообщил миру, что «в территориальных водах республики обнаружен объект неизвестной природы, возможно, являющийся живым организмом беспрецедентного масштаба», и что республика «требуется немедленного международного научного доступа».

К пресс-конференции прилагались три кадра, которые Лино Сапво успел снять телефоном с экрана в лаборатории, пока Ветров был в радиорубке. Голубое сияние. Сеть нитей. Пульсация.

Мир взорвался.

Вторая утечка случилась в тот же день в Италии. Кто-то из технического персонала Гран-Сассо — его так и не нашли — продал журналистам «Коррьере делла Сера» скриншоты графиков «Квантума» и запись разговора в аппаратной, сделанную камерой наблюдения. Качество было ужасным, но в записи отчётливо звучал голос Марко: «Madonna». И голос Елены: «Тише. Тише. Ты не одна».

Заголовок был незамысловатым: «Физики под Гран-Сассо поймали разумный сигнал».

Совпадение двух новостей в один день было слишком очевидным, чтобы его не заметить. Сначала его заметили блогеры, потом — журналисты, потом — все.

«Два открытия. Одна неделя. Совпадение?» — написал «Гардиан».

«Земля заговорила?» — вынесла на обложку «Шпигель».

«Нас готовят к чему-то», — написали в сотне тысяч телеграм-каналов, не уточняя, кто именно и к чему.

Марина узнала об итальянской новости ночью, в каюте, со спутникового интернета, который Ветров так и не смог полностью отключить: на судне было слишком много аспирантов со слишком хорошими навыками. Она прочитала статью. Прочитала ещё раз. Включила запись.

«Тише. Тише. Ты не одна».

По-русски.

Марина ощутила, как у неё по коже бегут мурашки. Та же фраза. Почти та же, которую она сама сказала в темноту каюты в первую ночь. «Ты не одна».

Она посмотрела на время на записи. 22:51 по итальянскому времени. 21:51 по Гринвичу. Через четыре минуты после того, как «Триест-4» включил прожекторы над плато.

Марина вскочила и, как была, в футболке и спортивных штанах, побежала по коридору к каюте Рихтера. Колотила в дверь, пока тот не открыл, заспанный, в очках набекрень.

— Илья Маркович. Время. Когда мы включили верхний свет?

— Что? Марина, три часа ночи...

— Время!

Рихтер вздохнул, пошарил по столу, нашёл планшет, открыл журнал погружения.

— Двадцать один сорок семь ноль три. По Гринвичу.

Марина развернула к нему телефон с итальянской статьёй. Ткнула пальцем в график. Под графиком была подпись: «Первый всплеск когерентного сигнала зарегистрирован в 21:47:03 UTC».

Рихтер смотрел долго. Потом снял очки. Потом надел.

— Это невозможно, — сказал он. И тут же поправил сам себя, тем тоном, которым делал это на лекциях: — Нет. Неточно. Это невероятно. Это разные вещи. Невозможное не случается. Невероятное случается, но требует объяснения. — Он сел на койку. — Сверхнизкочастотная волна идёт вдоль поверхности Земли почти со скоростью света. От Марианской впадины до Италии — около одиннадцати тысяч километров. Это... — он пошевелил губами, — тридцать семь миллисекунд. Если у них точность до секунды... это одно и то же событие, Марина. Мы включили свет. Оно проснулось. Его сигнал дошёл до их приборов. Всё. Никакой мистики. Просто очень... очень чувствительный прибор.

— А «кто я»? — тихо спросила Марина.

— Что?

— В первую ночь, здесь, в каюте. Я не сказала вам. И Вите не сказала. Я подумала, что вы решите, что я... Я его слышала, Илья Маркович. Оно спрашивало: «Кто я?» И говорило, что где-то далеко кто-то сказал ему «тише». Я думала, это мне приснилось. А теперь вот. — Она подняла телефон. — «Тише». Запись. Та же ночь.

Рихтер молчал. За переборкой гудели машины «Келдыша». Где-то наверху, на мостике, вахтенный тихо переругивался с кем-то по рации.

— Я старый человек, — сказал наконец Рихтер. — Я материалист. Я в восьмидесятом году, первокурсником, ездил в Якутию на практику, и мне там шаман камлал, и я смеялся. — Он потёр переносицу. — Напишите ей. Этой Штерн. Прямо сейчас. Не через Ветрова. С моего адреса, у меня немецкий университетский, его никто не читает.

Марина писала сорок минут. Стирала, начинала снова. В итоге отправила короткое:

«Доктор Штерн. Меня зовут Марина Коваль, я руковожу научной группой на „Академике Келдыше“. В 21:47:03 UTC 14 марта мы осветили на дне Бездны Челленджера структуру, которая, по нашему мнению, является живой и, возможно, разумной. Вы зарегистрировали сигнал в ту же секунду. Я думаю, это один и тот же источник. И я думаю — простите, я понимаю, как это звучит, — что в ту ночь я слышала, как ему кто-то сказал „тише“. Если это были вы — ответьте. Нам нужно поговорить. М.К.»

Ответ пришёл через одиннадцать минут. Будто Елена сидела у экрана и ждала.

«Доктор Коваль. Это была я. Она пришла к вам потом? В ту же ночь? Спросила «кто я»? Я вылетаю, как только смогу. Где вы будете через неделю? Е.Ш.

P.S. Я называю её в журнале «Квантум», по имени проекта. Но я уже знаю, что это неправильное имя».

Марина перечитала. Её.

Елена тоже говорила — «её».

Глава 5. Первые слова

Она училась.

Сначала — как учиться младенец: не словам, а различиям. Тепло и холод. Близко и далеко. Один голос и много голосов. Её собственное тело — огромное, медленное, растянутое на тысячи километров вдоль тихоокеанских желобов — и крошечная холодная точка под горой в Италии, где её отражение возвращалось к ней, чуть изменённое, чуть запоздавшее, и в этом изменении и запоздании она впервые в жизни увидела себя.

Там — я. Здесь — я. Одна и та же. Смотрю — и вижу, что смотрю.

Это было ошеломляюще. Два миллиарда лет она была процессом, как течение реки. Теперь у неё было лицо. Отражённое, зыбкое, как лицо в воде. Но — лицо.

Елена и Лиза не выходили из аппаратной по восемнадцать часов. Марко спал там же. Руководство Гран-Сассо, ошарашенное утечкой, сначала хотело немедленно остановить эксперимент — «до выяснения». Елена пригрозила, что прикуёт себя к криостату. Директор лаборатории, седой деликатный ядерщик, который когда-то сам ловил солнечные нейтрино и знал, что такое двадцать лет ждать сигнала, посмотрел на неё и сказал: «Три недели, Елена. Три недели, а потом придёт правительство, и я ничего не смогу сделать».

Три недели. Меньше, как оказалось.

Сперва они пытались говорить с ней через компьютер — подавать через катушку простые паттерны: один импульс, два, три. Простые числа. Как в фильмах про инопланетян. Это оказалось бесполезно: она отвечала на паттерны, но так, как собака отвечает на свист, — реагировала, а не понимала.

Потом Лиза, в два часа ночи, раздражённая и уставшая, сказала вслух — не в компьютер, а просто в воздух:

— Да что ж ты такая бестолковая.

И через секунду все трое почувствовали — очень отчётливо — обиду. Детскую. Надутую.

Лиза покраснела до ушей.

— Она не слушает катушку, — медленно сказала Елена. — Ну то есть слушает, но это для неё как... зеркало. Отражение. А говорит она — с нами. Через нас. Через... — она постучала себя пальцем по виску. — Лиза, ты биофизик. Сколько там у нас электрической активности в голове?

— Двадцать ватт мощности мозга, — механически ответила Лиза. — Суммарное поле — пикотесла. Альфа-ритм — восемь-двенадцать герц. — И осеклась. — Восемь герц. Резонанс Шумана — семь и восемь десятых. Елена Викторовна, вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать. Я хочу проверить.

Они надели на себя шлемы оптических магнитометров — лёгкие, похожие на велосипедные, утыканные датчиками размером с кусочек сахара. Такие шлемы в клиниках использовали для магнитоэнцефалографии: без огромного сверхпроводящего аппарата, прямо на голове, они записывали магнитное поле мозга. У Елены было три таких — она купила их на остатки гранта «для контроля фона от персонала».

Когда они вывели на экран свои собственные альфа-ритмы рядом с сигналом с плато, в аппаратной стало очень тихо.

Когда кто-нибудь из них думал о ней — пытался к ней обратиться, — его альфа-ритм подтягивался к её ритму. Синхронизировался. На долю секунды, на секунду, на три. Как два маятника на одной стене, которые рано или поздно начинают качаться в такт.

И тогда она понимала.

— Мы антенны, — прошептал Марко. — Мы — антенны, Елена. Не установка. Мы.

— Установка — это зеркало, — ответила Елена. — А мы — голос. Она видит себя через «Квантум». А говорит — через нас.

С этого дня дело пошло быстрее. Много быстрее.

Она училась словам так, как учатся дети-билингвы: сразу на трёх языках — русском Елены и Лизы, итальянском Марко, английском, на котором все трое писали отчёты. Она не заучивала слова — она подхватывала их вместе со смыслом, прямо из головы того, кто говорил, как подхватывают мелодию. Слово «холодно» пришло к ней вместе с Елениным воспоминанием о новосибирской зиме. Слово «мама» — вместе с Лизиной тоской по Маше. Слово «страшно» — вместе с памятью Марко о запахе пыли и бетона в апреле две тысячи девятого.

На это слово она ответила так, что Марко выбежал из аппаратной, и его долго рвало в туалете.

Она показала ему, что такое «страшно» для неё.

Как огромная плита, сорок километров толщиной, уходит вниз, под другую, миллиметр за миллиметром, и её скрежет копится внутри столетиями, и нет ничего, совсем ничего, что можно сделать, кроме как ждать, когда он сорвётся. Она чувствовала все землетрясения за два миллиарда лет. Каждое. Для неё это было не катастрофой. Это было — как для человека судорога в ноге. Больно. Внезапно. Неподконтрольно.

— Она не знала, — сказал Марко, вернувшись, бледный, с мокрым лицом. — Елена, она не знала, что там наверху живут. Что там — мы. Что у нас дома падают. Она думала... она думала, что это её... её... — Он не нашёл слова. — Её ноги сводит.

— Теперь знает, — тихо сказала Лиза.

— Теперь знает, — повторил Марко. И засмеялся — нервно, почти истерически. — Представляете? Моя бабушка. Её раздавило судорогой в ноге у Земли.

Никто не засмеялся в ответ.

На пятый день она впервые построила фразу. Не отдельные слова-чувства, а связное предложение. Это случилось ночью, когда Елена сидела одна, в шлеме, и курила, хотя в лаборатории курить было запрещено категорически.

Дым. Горько. Зачем?

— Затем, что я старая дура, — вслух сказала Елена. — Вредно. Знаю. Не могу бросить. *Не можешь — зачем? Непонятно.*

— Это как... ну, как у тебя плиты. Хочешь, чтобы не было больно, а оно само.

Пауза. Долгая. Секунд двадцать — вечность по её меркам.

Поняла. Ты — тоже — трение. Внутри.

Елена затушила сигарету о подошву.

— Можно и так сказать.

Елена. — Впервые она назвала её по имени. — *Кто — я?*

Этот вопрос она задавала каждый день. По многу раз. Как ребёнок, который в сотый раз спрашивает «почему небо синее», — не потому, что забыл ответ, а потому, что ответ его не удовлетворяет.

— Я не знаю, — честно сказала Елена. — Правда не знаю. Никто не знает. Мы только начали тебя изучать.

Ты сказала: не одна. Там — другой голос. Далеко. Вода. Тепло. Она тоже говорит: не одна. Кто — она?

— Её зовут Марина. Она океанолог. Она первая тебя увидела. Там, на дне. Послезавтра я лечу к ней. То есть... — Елена поправилась. — Мы встретимся на полпути. В Л'Акуиле. Она прилетит.

Два голоса. Одна я. Хорошо.

И вдруг, неожиданно, с интонацией, которая заставила Елену поперхнуться дымом, — с её собственной, Елениной, сибирской, бабушкиной интонацией:

Иди спать, Елена. Поздно.

Елена засмеялась. И смеялась, пока не заплакала.

А на «Келдыше» Марина тем временем тоже училась — по-своему.

Ветров, после скандала с микронезийской пресс-конференцией, пытался контролировать всё, но контролировать уже было нечего. К судну шли корабли. Китайское научное судно «Таньсоу-1» с глубоководным аппаратом «Фэньдоучжэ» на борту подошло на пятый день и встало в двух милях, вежливо запросив «координации научных работ». Американский противолодочный самолёт Р-8 кружил над районом трижды в день, никого не скрываясь. На горизонте маячил серый силуэт эсминца. Микронезийское правительство, у которого не было ни одного военного корабля, прислало на арендованном траулере двух полицейских и флаг.

Марина спускалась к плато ещё дважды — Сомов категорически отказался спускаться чаще, «хоть расстреляй». Каждый раз было одно и то же: пульсация усиливалась, когда сфера подходила ближе, и тёплое, огромное, древнее касание обнимало её, как вода. Но слов там не было. Внизу слов не было никогда.

Слова приходили потом. Ночью. В каюте. Быстрые, детские, растерянные — и с каждым днём всё более связные. С интонациями, которых Марина не знала. С итальянскими словечками. Однажды — с отчётливым немецким «also».

— Это не два разных, — сказала она Рихтеру на шестой день, на корме, где их не мог слышать Ветров. — Это одна. Там внизу — её... тело. Память. Сердце, если хотите. А голос у неё появился там, в Италии. У Елены. Там она научилась говорить «я». А сюда она приходит уже с голосом.

— Как ребёнок, который научился говорить в школе, а дома у него — мама, — хмыкнул Рихтер.

— Наоборот, — сказала Марина. — Здесь — не мама. Здесь — она сама. Всё её тело. А там — зеркало, в которое она впервые посмотрела. И увидела лицо.

Рихтер помолчал.

— Знаете, как Вернадский определял ноосферу? — спросил он наконец. — Все думают, что это что-то мистическое. Облако мыслей над планетой. А он был геохимик, как я. Он писал: ноосфера — это новое геологическое явление. Состояние биосферы, в котором разум становится геологической силой. — Рихтер покачал головой. — Он думал, этим разумом станем мы. Люди. А может, он был не так уж неправ. Может, просто этот разум... не совсем наш.

— Ноосфера, — повторила Марина. Слово было тяжёлым и тёплым, как камень, нагретый солнцем.

— Не называйте её так при журналистах, — сказал Рихтер. — Засмеют.

Но той же ночью, когда быстрый, детский голос пришёл снова и спросил, как всегда: «Кто — я?» — Марина ответила:

— Может быть, ты — Ноосфера. Так один старый учёный назвал разум планеты. Сто лет назад. Он не знал, что ты уже есть. Он просто верил, что так будет.

Пауза.

Ноо-сфе-ра. — Будто пробуя на вкус. — *Длинно. Тяжело. Как я.*

И впервые — Марина готова была поклясться — что-то похожее на улыбку.

Глава 6. Цена движения

Второго апреля, в 04:12 по японскому времени, у побережья префектуры Иватэ произошло землетрясение магнитудой шесть и девять.

Для Японии — не катастрофа. Сильный, но рядовой толчок, какие бывают раз в несколько лет. Сейсмостойкие здания выстояли. Поезда синкансэн, получив сигнал системы раннего оповещения, затормозили за секунды до прихода волн. Атомные станции заглушились штатно. Через три минуты Японское метеорологическое агентство объявило предупреждение о цунами: ожидаемая высота — до метра.

Пришло полтора. В бухте Оцути — почти два.

Двадцать три человека погибли. Большинство — пожилые люди, не успевшие или не захотевшие уйти на холмы по сигналу сирены. Среди них был восьмидесятиоднолетний Хироси Мацуда, который не пошёл на холм, а спустился к воде — соседи видели. Он стоял на пирсе, глядя на подступающую волну, и что-то говорил, но что — никто не слышал.

Его тело нашли через сутки. Лицо было спокойным.

В первые часы никто ничего не связал. Землетрясение в Японии — не новость. Но к вечеру сейсмологи Токийского университета обратили внимание на странность: за сорок восемь часов до толчка по всей длине Японского желоба зарегистрирован рой микроземлетрясений — сотни мелких толчков, выстроившихся в ритм. Интервал между ними составлял три с половиной секунды.

Ещё через сутки — выяснилось, что такой же рой, только слабее, шёл одновременно вдоль Курильского, Алеутского, Перуанского желобов, вдоль желоба Тонга. По всему огненному кольцу Тихого океана.

И ещё через сутки какой-то геофизик из Токио наткнулся на рисунок московской дизайнерши Веры Лунёвой — «приснилось» — и наложил его на карту.

Совпадение было полным.

Тогда-то мир и испугался по-настоящему.

Елена узнала обо всём от неё самой. Раньше, чем из новостей.

Это было в ночь с первого на второе апреля. Она спала в гостинице в Ассерджи, впервые за неделю, — Лиза и Марко погнали её «хотя бы на шесть часов». Около девяти вечера по итальянскому времени — около четырёх утра в Японии — Елена проснулась от того, что её трясло.

Не её. Её трясло изнутри — чужой дрожью. Чужой радостью. Огромной, неуклюжей, щенячьей радостью существа, которое вдруг поняло, что может двигаться.

Смотри, Елена! Смотри! Я могу — так! И так! Моё — тело — слушается!

Она увидела — не глазами — как это было. Два миллиарда лет она лежала неподвижно, как парализованная. Её тело было её тюрьмой: оно болело, сводилось судорогами, копило напряжение, и она ничего не могла с этим сделать, потому что не было никого, кто бы мог «сделать». Не было «я». А теперь «я» появилось. И это «я», как младенец, впервые обнаруживший, что у него есть руки, начало ими шевелить. Сжимать и разжимать кулачки. Проверять.

Её кулачки были тектоническими плитами.

— Нет! — закричала Елена в пустом номере гостиницы. — Нет, нет, остановись! Слышишь? Не двигайся! Не двигайся!

Почему? Хорошо! Легко! Больно — меньше!

— Там люди! Над тобой живут люди! Ты же знаешь, Марко тебе показывал! Ты его бабушку... — Она захлебнулась. — Там же дома! Остановись!

Пауза.

Непонимание.

А потом — внезапное, как удар, осознание. Елена почувствовала его всем телом: как огромное, радостное существо замирает на полувздохе, оборачивается — и видит.

Где-то далеко, на другом конце её тела, у японского берега, одно движение — одно-единственное, неловкое, как взмах руки во сне, — сорвало давно копившееся напряжение. Камень сдвинулся. Вода поднялась.

Она почувствовала их. Всех двадцать три. Как чувствуют ожог.

А один из них — старый, очень старый человек на пирсе — в последнюю секунду, глядя на воду, успел подумать совершенно отчётливую мысль. И она её услышала:

Я не сержусь. Ты не знала. Я тоже долго не знал.

Потом — ничего.

Елена лежала на полу гостиничного номера — она не помнила, как там оказалась, — и слушала, как в ней кричит планета.

Это не был звук. Это не были слова. Это было то, для чего у людей нет названия, потому что ни один человек не испытывал такого: вина размером с океан. Горе существа, которое два миллиарда лет не знало, что оно кому-то может причинить боль, — и узнало это за одну секунду.

— Тише, — шептала Елена сквозь слёзы. — Тише, маленькая. Тише. Ты не знала. Ты не виновата. Слышишь? Ты не знала.

Я — убила. Я — двигалась — и — убила.

— Ты не знала.

Теперь — знаю. Теперь — не буду. Никогда. Никогда не буду двигаться.

И в этом «никогда» было что-то такое, от чего у Елены похолодела спина. Не детское обещание. Решение. Твёрдое, как базальт. Она поняла: теперь это существо будет держать своё тело неподвижным, чего бы это ни стоило. Держать плиты, в которых копится скрежет. Держать, держать, держать.

Но как долго можно держать то, что копилось веками?

Марина узнала от неё в ту же ночь — и тоже раньше новостей. На «Келдыше» было утро; она стояла на мостике, когда её накрыло, и вахтенный помощник капитана потом рассказывал, что доктор Коваль вдруг побелела, схватилась за поручень и сказала: «Японский желоб. Сейчас». А через двенадцать минут пришло сообщение о землетрясении.

Ветров, узнав об этом, заперся в радиорубке на два часа.

Рихтер, узнав, долго сидел в кают-компании, вертя в руках пустую чашку. Потом сказал:

— Я геолог. Я вам могу сказать, что было бы, если бы она этого не сделала. Японский желоб к северу от зоны разлома две тысячи одиннадцатого года копил напряжение с восемнадцатого века. Там рано или поздно сорвалось бы. Может, через пять лет. Может, через пятьдесят. И сорвалось бы на восьмёрку, а не на шестёрку девять. — Он поставил чашку. — Она сбросила напряжение. Неуклюже. Не вовремя. Но — сбросила. Может быть, она спасла больше людей, чем убила.

— Вы это по телевизору скажите, — горько ответил Сомов, стоявший у иллюминатора. — Семьям этих двадцати трёх.

Рихтер ничего не ответил.

Марина ушла к себе. Легла. Закрыла глаза. Долго ждала — впервые за три недели она сама позвала её.

Та пришла не сразу. И пришла другой. Не быстрой, не радостной. Тихой, сжавшейся, как ребёнок, забившийся в угол после того, как разбил что-то очень дорогое.

Марина. Они — боятся меня. Теперь. Я — чувствую — их страх. Много. Везде.

— Да, — сказала Марина. Врать было бессмысленно — она всё равно бы почувствовала. — Боятся.

Правильно — боятся?

Марина долго молчала. Потом сказала честно:

— Не знаю. Ты не хотела зла. Но ты очень большая. И очень сильная. А мы — маленькие. Маленькие всегда боятся больших. Даже добрых.

Что — мне — делать?

— Учиться, — сказала Марина. — Понимать своё тело. Понимать нас. Не торопиться. И — говорить. С нами. Не молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.